

Г. В. Демченко

**Из истории судоустройства в
Древней Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. В. Демченко**
Из истории судоустройства в Древней Руси / Г. В. Демченко – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 65 с.

ISBN 978-5-458-55673-6

Замечательная книга о видах и формах участия народа в суде.

ISBN 978-5-458-55673-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ваго упоминанія объ участіи представителей населенія въ судѣ, приведенное мнѣніе вызываетъ нѣсколько весьма существенныхъ сомнѣній и возраженій. Гораздо правильнѣе точка зрѣнія тѣхъ ученыхъ (впервые установленная еще Морошкинымъ, а позднѣе поддержанная Дмитриевымъ, Кавелинымъ и Дювернуа), которые въ „добрыхъ людяхъ” и въ „судныхъ мужахъ” видятъ одинъ изъ институтовъ древнѣйшаго права, всецѣло примыкающій къ условіямъ стараго народнаго быта и вытекающій изъ первоначальныхъ формъ всякаго судопроизводства. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ всѣ тѣ косвенныя историческія свидѣтельства, которыми приходится пользоваться при отсутствіи прямыхъ указаній источниковъ, именно: постановленія законодательства, историческіе памятники и разнообразныя акты болѣе позднихъ эпохъ; нѣкоторыя черты и основныя свойства древне-русскаго судопроизводства въ связи съ отрывочными и не всегда ясными указаніями памятниковъ древнѣйшихъ; наконецъ, данныя сравнительной исторіи права, очень цѣнныя и важныя именно для выясненія многихъ спорныхъ вопросовъ исторіи права.

Лѣтописи, старыя привилеи и грамоты великихъ князей литовскихъ и памятники законодательства государей московскихъ говорятъ объ участіи въ судѣ представителей населенія, „добрыхъ людей”, какъ объ обычай настолько стародавнемъ, что даже для весьма раннихъ эпохъ онъ уже является въ видѣ совершенно сложившагося и освященнаго древностію установленія. Это не только русскій обычай, но именно „старый” русскій обычай; это не какое-нибудь нововведеніе законодательства или новшество обычнаго права, не сомнительнаго достоинства „новина”, которую приходится еще объяснять и оправдывать; это—глубокая „старина” и притомъ „старина” какъ для поколѣнія XVI вѣка, для современниковъ Стоглава, Судебниковъ и Литовскаго Статута, такъ и для памятниковъ XV столѣтія и даже для нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописцевъ болѣе ранняго времени.

Такъ, въ Никоновской лѣтописи подъ 1384 г. читаемъ: „А посаднику и тысяцкому судити свои суды, *по русско-*

му *обычая*, по цѣлованію крестному, а на судѣ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска (житія мужеска) отъ каждыя страны (тяжущейся)”.

Великій князь литовскій Александръ въ 1499 г. предписываетъ намѣстнику Полоцкому производить судѣ не иначе, какъ съ участіемъ старшихъ бояръ полоцкихъ „подлугъ давного *обычая*”:

„Напервѣй, што ся тычетъ права земляного, кому бы до кого дѣло было о земли... тыи суды маеть судити намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими бояры Полоцкими, *подлугъ давного обычая*. Тежъ которыи бы ся дѣла пригодили о границахъ земляныхъ, хто бы кому границу сказалъ; то тежъ маеть намѣстникъ нашъ Полоцкій ѣхати, а любо бояръ сослати, того дѣла судити, *подлугъ давного обычая*”.

Въ Смоленской Землѣ въ началѣ XVI в. мѣстный ловчій „ввелъ новину”, началъ самъ единолично „судить ихъ (Смолнянъ) и рядить по всему мѣсту... чокогожъ *здавна* не было”. И вотъ, отмѣняя эту „новину”, тотъ же в. кн. Александръ въ уставной грамотѣ, данной имъ Смоленской Землѣ въ 1505 году, предписываетъ, чтобы Смоленскій намѣстникъ по старому „съ околничими и зъ иными врядники суживалъ ихъ (Смолнянъ) на нашомъ дворѣ”.

Подобно этому и въ Волынской Землѣ на ярмаркахъ Жидичинскихъ и Дорогобужскихъ намѣстники начали единолично „самыхъ ихъ (князей, пановъ, земянъ и всю мѣстную шляхту) и людей ихъ судить и рядить на тыхъ ярмаркахъ”. Чтобы прекратить подобныя злоупотребленія намѣстниковъ в. кн. Сигизмундъ въ уставной грамотѣ, данной имъ Волынской Землѣ въ 1509 г., указываетъ, что даже при в. кн. Казиміръ и Александрѣ существовалъ иной порядокъ, и потому предписываетъ: „на ярмарки старостины намѣстники мають ѣздити *по давному*, а людей ихъ одинъ намѣстникъ не маеть судити, маеть тотъ чоловѣкъ судью собѣ съ своею руки посадити, которого земянина обравши”.

Въ 1551 г. вся Мстиславская и Радомская шляхта бьютъ

челомъ королю Сигизмунду Августу и просяъ „потвердить“ ихъ старый привилей. Кромѣ того въ особенности просяъ они: „абыхмо ласки наше господарское въ томъ имъ възичили и старостѣ нашему Мстиславскому теперешнему и потомъ будущимъ старостамъ тамошнимъ боярѣ, шляхты, брати ихъ и людей ихъ властныхъ безъ нихъ самыхъ судити и рядити не казали... бо дей и *передъ тымъ завжды за предковъ нашихъ славное памети королей и великихъ князей ихъ милости; и за короля его милости Жижимонта, пана отца нашего, тотъ ся обычай заховывалъ и того они добровольны уживали*”. Король и в. князь удовлетворяетъ эту просьбу Мстиславской и Радомской шляхты, подтверждаетъ старый привилей своего отца — „а што ся дотычетъ судовъ старостиныхъ... кгдажъ то *передъ тымъ завжды такъ ся заховывало*, яко того они шляхта справу намъ дали, же имъ того вживати было вольно, мы и теперь, *водлугъ давного обычая*, то заставуемъ и то тымъ листомъ нашимъ устанавливаемъ: ижъ коли которые справы передъ старостою нашимъ Мстиславскимъ теперешнимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Полубенскимъ, и по немъ будущими старостами тамошними отъ боярѣ шляхты притачатися будутъ, тогда старостове наши мають завжды въ боярѣ шляхты повѣту тамошнего двухъ альбо трехъ боярѣ старшихъ при той справѣ съ собою мѣти и посполѣ въ ними ихъ судити, а менше двухъ особъ шляхты старшее при собѣ не маючи, не маеть никоторыхъ судовъ самъ одинъ справовати и конца чинити, и людей ихъ безъ нихъ самыхъ не судити и не рядити... одно они во всемъ *водмъ давного обычая захованы быти мають по тому, яко то и передъ тымъ будетъ бывало*”.

Акты копныхъ судовъ XVI в., свидѣтельствующіе о древнѣйшей формѣ вѣчевого суда, упоминають о многихъ обычаяхъ глубокой древности. Въ этихъ актахъ неоднократно говорится о тѣхъ постороннихъ „добрыхъ людяхъ”, которые присутствуютъ въ судѣ: „мы и въ людми сторонними, *водле звичаю давного*, стали на копу”—вотъ довольно обыкновенно

венная формула, часто встречающаяся въ этихъ актахъ и постоянно ссылающаяся на стародавній обычай ¹⁾).

Въ это же время въ Руси Московской мы находимъ весьма любопытныя указанія въ Стоглавѣ о духовныхъ судахъ (1551 г.). Эти суды „вѣдаютъ судъ и судятъ” въ извѣстныхъ случаяхъ при участіи старость, цѣловальниковъ, священниковъ, десяцкихъ и „иныхъ добрыхъ людей, которые въ судѣ сидятъ”. Такой порядокъ судопроизводства установился издавна: „въ метрополи и въ архиепископіяхъ, и въ епископіяхъ, по градомъ и по десятинымъ *искони вѣчно уставлены десяцкіе, при великихъ чудотворцѣхъ Петръ и Алексѣй и Іоаннъ, пресе ихъ, и по нихъ, и до днесь*”. Эти десяцкіе въ однихъ случаяхъ судятъ вмѣстѣ съ „добрыми людьми”, въ другихъ случаяхъ сами присутствуютъ въ судѣ въ качествѣ такихъ „добрыхъ людей”; но всегда ихъ дѣятельность, дѣйствительно, носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой старины, чего-то „*искони вѣчно установленнаго*”.

Такимъ образомъ участіе въ судѣ представителей народа, „добрыхъ людей”, въ довольно разнообразныхъ формахъ является общепризнаннымъ стародавнимъ обычаемъ въ XVI столѣтіи. Мало того, и въ предшествующемъ XV вѣкѣ этотъ обычай считается древнимъ, давнимъ, старымъ. И если мы отступаемъ еще далѣе въ глубь вѣковъ, то встречаемъ тотъ же обычай, и снова современники (въ XIV в.) увѣряютъ насъ въ неоспоримомъ и притомъ національномъ его значеніи: это старыи *русскій* обычай.

Конечно, случалось иногда, что законодатель ссылался на обычай для одной только формы и, вводя какую-нибудь „новину”, настойчиво утверждалъ въ свое оправданіе, что онъ „старинны” не нарушаетъ, „новины” не вводитъ, „хочетъ все по тому мѣти, какъ будетъ было”. Первоначальная слабость и шаткость авторитета законодательной власти вполне

¹⁾ Вопросъ объ участіи постороннихъ добрыхъ людей на конномъ судѣ подробно разсмотрѣнъ раньше—см. Г. В. Демченко, Притомные люди и конная сторона. Варшава, 1899.

объясняли и оправдывали подобныя неправильныя ссылки на высшій авторитетъ народнаго обычая. Но именно въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы говоримъ, рѣшительно невозможно сомнѣваться въ правильности вышеприведенныхъ ссылокъ памятниковъ на старыя обычаи. Эти ссылки слишкомъ постоянны, слишкомъ опредѣленны и слишкомъ общераспространены, такъ что для серьезнаго скептицизма не остается мѣста. Къ тому же онѣ соответствуютъ дѣйствительности и подтверждаются нашими старѣйшими памятниками законодательства и судебной практики.

Всѣ старѣйшіе изъ дошедшихъ къ намъ судебныхъ актовъ уже говорятъ о добрыхъ людяхъ, которые присутствуютъ въ судѣ, и притомъ говорятъ, какъ о чемъ-то совершенно нормальномъ, обычномъ и общепринятомъ.

Первое извѣстное намъ судебное дѣло, относящееся ко времени в. кн. Дмитрія Донскаго (1362—1389), вотъ какъ описываетъ современное ему судебное разбирательство: судья, ставъ на спорной пожнѣ, производитъ судъ, а затѣмъ докладываетъ дѣло своей государынѣ, великой княгинѣ Марѣ; княгиня слушаетъ докладъ, велитъ истца оправить и отвѣтчика обвинить; по слову своей государыни судья даетъ приговоръ, а на судѣ присутствуютъ „судные мужи” — староста и вмѣстѣ съ нимъ еще четыре мужа. Такъ же и старѣйшая правая грамота изъ актовъ юго-западной Россіи, выданная въ 1401 году Петрашемъ, старостою Галицкимъ, упоминаетъ о „землянахъ”, участвующихъ въ судѣ. Сперва „панъ староста Петрашъ съ земляны” обсуждаютъ вопросъ о необходимости для разрѣшенія предъявленнаго имъ иска выѣхать „на выведѣнныя границы”, потомъ „панъ староста и земляны” выѣзжаютъ „на ту границу”, судятъ и „оправляютъ” отвѣтчика. Оканчивается грамота перечисленіемъ тѣхъ землянъ (шесть мужей), которые „при первомъ судѣ были”, и еще другихъ (тоже шесть мужей), которые дали окончательное рѣшеніе по дѣлу—„доконали и осудили”.

Затѣмъ о „земскихъ людяхъ”, присутствующихъ при вѣдѣ, упоминаютъ всѣ древнѣйшія раздѣжія (отводныя) гра-

моты, напр., грамота 1395 г. и еще другая грамота, принадлежащая къ той же эпохѣ, но не имѣющая точной даты. Для развода съѣзжаются на землю, кромѣ сторонъ, также люди земскіе и монастырскіе. Въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи опредѣляются межи и составляется грамота, которую стороны скрѣпляютъ печатами, „сопча поговоря с земскимъ людьми, да и с пономъ”. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамота скрѣпляется также ссылкой на опредѣленныхъ „добрыхъ людей”, которые присутствовали на разводѣ: „а на семь доконцанъ были люди добрые Степанъ Ѳеодоровъ, Григорей Онтуевевицъ, Микифоръ Ивановичъ, Дмитрей Лукиницъ, Степанъ Григорьевичъ”¹⁾).

Участіе народныхъ представителей въ судѣ отмѣчено въ памятникахъ псковскаго и новгородскаго законодательства и въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ этому законодательству документовъ.

По Псковской Судной Грамотѣ 1397 — 1467 гг. народные представители общины, сотскіе и старосты²⁾, являются непремѣнными участниками всякаго суда какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и въ его пригородахъ. Главный псковскій судъ, „господа”, состоитъ изъ князя, посадника псковскаго и сотскихъ. О такомъ составѣ „осподы” говорятъ современные памятники мѣстной судебной практики (напр., правая грамота Снѣтогорскому монастырю 1483 г.). Псковская Судная Грамота имѣетъ въ виду этотъ же составъ господы, когда предписываетъ: „А подсудничье князю и посадникомъ и съ сот-

¹⁾ Въ указанныхъ (самыхъ древнихъ) грамотахъ говорится о разводѣ или развѣдѣ, который производится не по судебному приговору, а по гражданскимъ сдѣлкамъ (напр., по купчей). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ участіе стороннихъ людей равно необходимо и однородно. Поэтому, если при разводѣ по купчей необходимо присутствіе „земскихъ людей” или „добрыхъ людей”, то въ эту эпоху тѣмъ болѣе оно было необходимо при разводахъ земель по судебному приговору. Впоследствии мы увидимъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти добрые люди къ суднымъ мужамъ.

²⁾ Въ XVI—XVII вв. старосты и сотскіе безспорно являются выборными представителями общины. Что же касается предшествующихъ столѣтій, то въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Такой взглядъ въ литературѣ исторіи русскаго права установился давно. Иначе думаетъ только В. О. Ключевскій.

скими всіми взяти 10 денегъ”, или: „А кто на кого иметь сачитъ бою, или грабежу по позовничи, и князь и посадникомъ и сотцкимъ обыскати”. Въ пригородахъ Пскова судъ принадлежитъ княжимъ намѣстникамъ, посадникамъ и старостамъ, которые все вмѣстѣ приводятся къ присягѣ „на томъ, што имъ судити право по крестному цѣлованью”. При поземельныхъ спорахъ судъ отправляется всегда княжими людьми при участіи сотскихъ: „А которому княжому человѣку ѣздити на межу съ сотскими, ино ему такоже цѣловати крестъ (на томъ, што судити ему право)”. Исполнительное производство по взысканію покрыты съ имущества бѣжавшаго крестьянина происходитъ при участіи приставовъ, старость и стороннихъ людей: „Ино государю оу князя и оу посадника взять пристава, да и старость губьскихъ позвати, и стороннихъ людей, да тотъ животь изорничъ, предъ приставаы и предъ сторонними людьми, государю попродади”.

Новгородская Судная Грамота половины XV в. и примыкающіе къ ней памятники говорятъ объ участіи въ судѣ народныхъ представителей еще подробнѣе и обстоятельнѣе. Прежде всего отмѣчается участіе въ судѣ сотскихъ, старшинъ и старость. Уставная Грамота церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, данная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ Новгородскимъ около 1135 г., учреждаетъ особый торговый судъ въ составѣ тысяцкаго и пяти выборныхъ старость: „И язъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла... и судъ торговый”. Въ договорахъ Новгорода съ Нѣмцами также говорится о судебныхъ обязанностяхъ старость (договоръ 1229 г.) или старшинъ, купцовъ и вообще представителей Новгорода: „Если возникнетъ между Нѣмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена во дворѣ Св. Іоанна, при посадникѣ, тысяцкомъ и при купцахъ”, или: „Въ случаѣ, если бы лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлаться судомъ, то они должны это покончить предъ тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами” (до-

говоръ 1270 г.). Наконецъ, о сотскихъ упоминается въ договорѣ Новгорода съ в. кн. Иоанномъ Васильевичемъ 1471 г.: „А сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ”.

Независимо отъ помощи суду со стороны только что указанныхъ, такъ сказать, официальныхъ представителей населенія, всякій судъ въ Новгородѣ производится при участіи избранныхъ самими сторонами представителей мѣстной общины („приставовъ”). Изъ лѣтописей извѣстно, что институтъ приставовъ существовалъ въ Новгородѣ уже въ XIV в. Никоновская лѣтопись, какъ указано уже выше, описываетъ такъ составъ судовъ посадника и тысяцкаго. Совершенно тождественное описаніе суда владыки Новгородскаго находится въ лѣтописи Ростовской: „Судити владыкѣ Алексію въ правду по Номоканону, на судѣ поняти двѣма истцома дву бояриновъ со стороны, также и житыи по дваждь человекѣ”. Новгородская Судная Грамота неоднократно возвращается къ этому предмету. Прежде всего, давши рядъ постановленій о судѣ владыки Новгородскаго, намѣстниковъ и тиуновъ в. князя, посадника и тысяцкаго, она, какъ бы въ добавленіе къ сказанному уже въ предыдущихъ постановленіяхъ, общимъ образомъ предписываетъ: „А сажати въ суду по два человекѣ; а кто кого въ суду посадить, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается; а посадника и тысяцкаго и владычня намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати”. Затѣмъ въ отдѣльности упоминается о „приставахъ” при тиунѣ и у доклада: „А въ тиунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону людемъ добрымъ ¹⁾, да судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ”. „А у докладу быти изъ конца по боярину да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ”. О судѣ тиуна говорить и договоръ Новгорода съ королемъ польскимъ Казиміромъ IV въ 1470 году (или въ 1471 г.):

¹⁾ „По приставу съ сторону людемъ добрымъ” — подобное этому выраженіе постоянно встрѣчается въ памятникахъ литовско-русскаго права: „сторона людей добрыхъ”, „люди добрые сторона”.

„А тіу ну твоему судити въ одринѣ съ новгородскими приставами”.

Въ заключеніе можно замѣтить еще, что исполнительное производство по наложенію ареста на имущество гостя, согласно постановленіямъ договоровъ съ Нѣмцами, предполагаетъ предварительное объявленіе о томъ князю и людямъ: „князю явя и людемъ, взяти свое у гости” (договоры 1195 и 1270 гг.).

Итакъ, различные акты и законодательные памятники какъ болѣе поздней эпохи, такъ и ближе всего примыкающіе къ договору Смоленскаго князя съ Нѣмцами въ 1229/30 г., даютъ такую картину древне-русскаго судоустройства и судопроизводства, что не должно возникать никакихъ сомнѣній въ значеніи приведенныхъ въ самомъ началѣ нашей статьи первыхъ и древнѣйшихъ свидѣтельствъ о „добрыхъ людяхъ”, предъ которыми отправляется судъ. Эти „добрые люди” договора 1229/30 г. не обмолвка законодателя или переводчика, который передавалъ на русскій языкъ нѣмецкій текстъ соглашения, не чужеземное учрежденіе, о которомъ упоминается въ виду международнаго значенія памятника, и даже не мѣстная особенность смоленскаго судопроизводства. Это — старый процессуальный институтъ, основанный на давнемъ обычаѣ и общій для всѣхъ русскихъ земель.

Общая распространенность и глубокая древность института участія народныхъ представителей въ судѣ зависятъ, конечно, отъ общихъ причинъ, имѣющихъ не случайное и скоро преходящее значеніе, а постоянныхъ, весьма устойчивыхъ и коренящихся въ основныхъ свойствахъ древне-русскаго судоустройства и судопроизводства, которое во всѣхъ своихъ стадіяхъ предполагаетъ непремѣнное участіе постороннихъ добрыхъ людей — представителей общины и сторонъ процесса.

Причины эти просты и немногочисленны.

Прежде всего можно указать на обстоятельство, которое для стараго суда имѣло особенное значеніе, — на необходимость внѣшняго закрѣпленія всякаго юридическаго акта

На судъ каждое дѣйствіе стороны, или вообще участвующаго лица, или самого судьи имѣетъ извѣстное юридическое значеніе и обставлено строжайшимъ формализмомъ. Вызовъ въ судъ, явка, предъявленіе иска, возраженіе противъ него, споръ и доказательства, наконецъ, рѣшеніе — все это предполагаетъ рядъ опредѣленныхъ формальныхъ актовъ, которые, съ одной стороны, въ самый моментъ ихъ совершенія должны быть оцѣнены и подчинены извѣстному контролю, съ другой — должны быть удостовѣрены такъ, чтобы впослѣдствіи всегда возможно было доказать ихъ исполненіе и притомъ исполненіе правильное, формально согласное съ обычаями (законами) процесса. Для достиженія указанныхъ цѣлей въ современномъ процессѣ прибѣгаютъ къ протоколированію всѣхъ актовъ судопроизводства и самое судебное рѣшеніе облекается въ письменную форму, контроль же и оцѣнка этихъ актовъ предоставляется суду, какъ полному рѣшителю всей тяжбы. Конечно и старый процессъ требовалъ такого построенія, при которомъ бы достигались обѣ указанныя задачи; но средства для этого были другія, такъ какъ письменности сначала не существовало и вовсе, потому — она находила ограниченное примѣненіе.

Въ эпоху Русской Правды рѣшеніе суда оставляло послѣ себя документальный слѣдъ только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ — наиримѣръ, когда самое дѣло являлось законодательнымъ прецедентомъ и приговоръ служилъ казуистической формой закона, въ составъ котораго потому и включался. Такъ, и до нашего времени дошелъ Изяславовъ приговоръ о томъ конюхѣ, котораго убили Дорогобужцы: „а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ”, говоритъ одна изъ статей Русской Правды, „а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогободудци”. Впрочемъ, быть можетъ, иногда могли отмѣчаться и другіе приговоры: Русская Правда знаетъ уже „писца”, который ѣздитъ съ вирникомъ или съ мечникомъ для сбора виру или продажи и за это получаетъ 10 кунъ. Хотя въ XII вѣкѣ отдѣльные юридическіе акты и